

## Новыя вліянія въ драматической литературѣ.

(Продолженіе \*)

Главнымъ же дѣйствующимъ лицомъ въ комедіи является молодая дѣвушка, которую авторъ сравниваетъ съ чайкой, живущей у большого озера и убитой такъ, ни за что, ни про что случайно забредшимъ въ ту мѣстность охотникомъ. У нея тоже чуткая, впечатлительная натура, душа, стремящаяся къ свѣту, но она гораздо сильнѣе молодого человѣка, о которомъ мы говорили выше—и силу ея составляетъ любовь, способность беззавѣтно полюбить и всю себя, всю свою жизнь отдать на жертву любимому человѣку. Она мечтаетъ объ артистической карьерѣ, чувствуетъ расположеніе къ молодому декадентскому писателю, интересуется его пьесами, даже играетъ въ нихъ (въ 1-мъ актѣ), но ее тянетъ на просторъ, въ открытое море жизни.

Вмѣстѣ съ артисткой пріѣзжаетъ извѣстный литераторъ изъ нынѣшнихъ, ея любовникъ. Это положительно лучший типъ всей комедіи. Писатель живущій въ обществѣ, лишенномъ всякихъ идеаловъ, и самъ не имѣетъ никакихъ; онъ—тряпка—и самъ сознаетъ это. Свой трудъ является для него не наслажденіемъ, не благословеніемъ, а проклятіемъ. Онъ чувствуетъ необъяснимую потребность все записывать наблюдать—и писать, какъ что есть, безъ прикрасъ, писать, писать и писать. Зачѣмъ для чего—онъ не знаетъ—не можетъ въ этомъ разобраться. Это писатель смутнаго времени. Его несчастье въ томъ, что онъ не вѣритъ въ свой трудъ, презираетъ его—и отъ этого страдаетъ. Его разговоръ съ молодой дѣвушкой во 2 актѣ, когда онъ подъ вліяніемъ чуднаго лѣтнаго вечера и близости молодого существа, слушающаго его съ благоговѣніемъ, высказывается горячо, сильно и искренно—полонъ глубокаго, психологическаго интереса. Онъ сразу овладѣваетъ вниманіемъ дѣвушки, она смотритъ на него, какъ на существо высшее; онъ зоветъ ее въ жизнь, общается съ ней, артисткой. Она влюбляется въ него и при отъѣздѣ даритъ ему медальонъ, гдѣ выгравировано названіе одного его романа и страница. Онъ открываетъ книгу и читаетъ: «если вамъ нужна моя жизнь, берите ее—она ваша». На него пахнуло чѣмъ то новымъ, хорошимъ, захотѣлось испытать неизвѣданное, и онъ безъ сожалѣнія беретъ ея жизнь. Она ѣдетъ за нимъ въ Петербургъ (3 актъ). Въ

4-мъ актѣ опять въ имѣніе пріѣзжаетъ артистка съ литераторомъ. Онъ бросилъ чайку и вернулся къ прежней страсти (он revient toujours...). Идутъ разговоры о чайкѣ. Оказывается, она недалеко. На дворѣ буря; отъ прежняго театра, гдѣ давалась первая декадентская пьеса и гдѣ играла она, остался, по словамъ дѣйствующихъ лицъ, одинъ печальный остовъ. И когда всѣ уходятъ ужинать, кромѣ сыновья артистки, вдругъ въ окно раздается стукъ, и входитъ растерянная, промокшая, полубезумная чайка. Ей хотѣлось побывать тамъ, гдѣ протекли ея лучшіе годы, гдѣ ей когда то такъ хорошо, такъ счастливо жилось и мечталось, повидать человѣка, который любитъ ее, открыть ему свою душу, вспомнить вмѣстѣ прежніе счастливые дни. И она вспоминаетъ съ нимъ прежнее, говоритъ о тѣхъ страданіяхъ, какія она перенесла, брошенная съ ребенкомъ, одна—въ незнакомомъ городѣ, говоритъ горячо, безсвязно, почти въ горячечномъ бреду; говоритъ о своемъ искусствѣ, объ ея отношеніи къ нему. Любовь все-таки спасла ея отъ гибели и, хотя жизнь ея разбита, но она стала теперь артисткой; поняла, какъ надо играть, хотя это ей досталось тяжелой цѣной. Она увидѣла свѣтъ въ искусствѣ—оно ее спасло. Въ это время она слышитъ голосъ литератора, говоритъ, что несмотря ни на что, она все еще продолжаетъ любить его и убѣгаетъ. Оставшись одинъ, Костя произноситъ только одну фразу: «не надо, чтобы мама знала о томъ, что она была здѣсь» и уходитъ въ свою комнату. Входитъ вся компанія, и начинается веселая игра въ карты.

\*) См. № 154, 156 и 157 «Театра».

Вдругъ раздается выстрѣлъ. Врачъ успокаиваетъ всѣхъ, говоря, что это, вѣроятно, произошелъ взрывъ въ его походной аптечкѣ, и идетъ узнать, въ чемъ дѣло. Возвратившись, онъ отзывается въ сторону литератора и проситъ увести подѣ какимъ-нибудь предлогомъ хозяйку дома, чтобы приготовить ее къ извѣстію, что «Кости застрѣлился». Между тѣмъ игра продолжается, слышится смѣхъ, веселые возгласы... Занавѣсъ медленно опускается. Эта смерть на фонѣ эгоистичной, веселой, безпечной жизни производитъ громадное впечатлѣніе.

Помимо главной интриги въ пьесѣ, какъ всегда бываетъ и въ жизни, есть много другихъ, которыми живутъ второстепенныя лица комедіи: докторъ, бывшая знаменитость и его старинная любовь—жена управляющаго имѣніемъ артистки, ревнующая его ко всѣмъ; управляющій—плутъ и пройдоха; его дочка, барышня, курящая папиросу и

пьющая водку, глубоко несчастная, безумно но безнадежно влюбленная въ героя комедіи, въ послѣдствіи вышедшая замужъ, не переставая любить его, за сельскаго учителя. Всѣ они эгоисты, живущіе только для своихъ желаній и побужденій, для своего я. Единственнымъ свѣтлымъ лицомъ между ними является дѣйствительный статскій совѣтникъ Соринъ, страшный неудачникъ въ жизни, человѣкъ, желанія котораго никогда не исполнялись—l'homme qui a voulu, какъ онъ самъ себя называетъ, больной, подагрикъ, но несмотря на все это сохранившій добрую душу и большую сердечность. Личность чрезвычайно добрая, славная, но пассивная. Въ послѣднемъ актѣ онъ совершенно боленъ, наканунѣ смерти. На 1-омъ представленіи онъ во время послѣдней сцены Кости съ чайкой спалъ на сценѣ, но затѣмъ авторъ измѣнилъ эту сцену, и его уводили ужинать со всѣми. По нашему прежде лучше было, ибо это естественнѣе—и потому тутъ былъ тотъ смыслъ, чтобы показать, что онъ совсѣмъ одряхлѣлъ и не можетъ уже оказывать своему Костѣ прежней нравственной поддержки, почему тотъ по уходѣ Чайки, остается совершенно одинокимъ. Помимо отсутствія сцени-

ческихъ эффектовъ, признаннаго всѣми, которыхъ авторъ какъ бы нарочно старается даже избѣгать (нельзя считать эффектомъ послѣднее появленіе Чайки, оно психологически вѣрно и вполне естественно), достоинство пьесы составляетъ отсутствіе монологовъ. Монологъ самъ по себѣ есть уже противоестественная вещь. Въ «Чайкѣ» монологовъ нѣтъ вовсе, напр., во 2-омъ актѣ послѣ разговора Чайки съ литераторомъ, когда она чувствуетъ къ нему еще неясную любовь, она произноситъ только одно слово, которое невольно вырвалось у нее: «сонъ»! Въ 4 актѣ передъ самоубійствомъ герой пьесы тоже произноситъ только одну фразу: «надо, чтобы мама не знала, что она была тутъ». Это уже очень сдѣланный шагъ къ естественности. Пьеса теперь снята съ репертуара,—говорятъ, по желанію автора. Очень жаль, что авторъ повѣрилъ оценоческому неуспѣху своей пьесы, на который никогда нельзя полагаться! Вообще несчастье нашей Императорской сцены, что тамъ пьесы держатся не болѣе одного, много двухъ сезоновъ, а затѣмъ сдаются въ архивъ. Несомнѣнно въ будущемъ критика (если только ей суждено когда-либо возродиться у насъ) оцѣнитъ заслуги этой пьесы и поставитъ ее на принадлежащее ей по пра-

ву высокое мѣсто, а пока пожелаемъ, чтобы авторъ не смущался неуспѣхомъ своей попытки и побольше бы поработалъ для театра въ этомъ живомъ и полезномъ для его развитія направленіи.

Одновременно съ стремленіемъ къ естественности и правдивости въ литературѣ, идетъ такое же стремленіе ея въ игрѣ артистовъ, но объ этомъ до слѣдующаго раза.

Н. А. Ровскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).